

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Олег БОРИСОВ

ПАЛАЧ

**МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Борисов, Олег Николаевич.
Б82 Палач : [фантастический роман] / Олег Борисов. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-699-80769-7

Мир, разделенный на две половины...

По велению императора между Солнечной Стороной и Изнанкой были построены переходы, которые должны были соединить разделенный мир, но... Все оказалось не так-то просто. Богатые и удачливые по-прежнему не жились в лучах солнца, тогда как бедняки все так же прозябали под бесконечными дождями Изнанки. Переходы оказались во власти криминальных структур и беспощадных монстров, именуемых Тенями, которые проникали на Солнечную Сторону из сумеречной половины мира. Амбициозный начальник полицейского участка Шольц решил разом покончить с монстрами. Для этой цели он привлек бывшего военнотружущего имперских войск Клаккера, подрабатывающего посредничеством между обычными гражданами и воротилами преступного бизнеса...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80769-7

© Борисов О., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

*Моему сыну,
восторженному исследователю
окружающего мира,
посвящается...*

Пролог

Клаккер подцепил вилкой зажаренный до хруста крысиный хвостик, повозил в густой подливке и отправил в рот. Пока челюсти старательно перемазывали еду, одетый в потертый брезентовый плащ мужчина покосился на серую улицу через заляпанное грязное окно. Раннее утро, слякоть и облезлое небо над пригородами Города. Счастливые обладатели работы давно уже разбрелись по крохотным фабрикам и складам, а нищие еще спят или гоняют клопов в ночлежках, только собираясь на промысел у Таможенных ворот на Солнечную Сторону. Тишина и благолепие. И завтрак у старухи Марты в этот раз очень неплох. Настоящее мясо вместо белковой пасты или прессованных брикетов социальной помощи. Отличное завершение тяжелой ночи. Пожевать — и на боковую...

Дверь скрипуче пожаловалась на жизнь, и Клаккер перевел немигающий взгляд на посетителя. Полюбовался высокими начищенными сапогами, широким поясом с крохотной кобурой на правом боку, цепочкой латунных пуговиц, сгрудившихся на толстом брюхе. Хорошее настроение вздохнуло и провалилось в тартарары, оставив после себя кислый привкус. Раз господин обер-крейз пожаловал в эту дыру с единственным посетителем в столь ранний час, то следует готовиться к худшему. Увы, полиция

никогда не приходит с праздничными подарками, только с неприятностями. И без разницы, где мелькнули погоны — на Солнечной или здесь, в нищих кварталах Изнанки. В любом случае — жди какую-нибудь гадость.

— Жрешь?

— Завтракаю, господин обер-крейз.

Пузатый страж порядка устроился напротив Клаккера и добыл из кармана пачку сигарилл с блестящей зажигалкой, украшенной замысловатым вензелем. Скорее всего — бывший вещдок из запасников. Больше половины приятных вещичек у полицейских оттуда. В богатых кварталах некоторые умудряются даже дом обставить за счет пострадавших. А чего мелочиться? У хозяина все равно уже украли, так пусть хоть добрым людям послужит.

Клаккер закончил набивать желудок и сдвинул тарелки в стороны. Отхлебнул горячий пустой чай и покосился на гостя, который выпустил струю вонючего дыма в паутину, свисающую с низкого потолка. Интересно, с чем пожаловал?

— Я — Шольц. Единственный обер в этом районе.

— Знаю, господин обер-крейз. Вы — начальник местного отделения Сыска и Дознания. А также временно возглавляете Департамент Порядка.

Толстяк довольно усмехнулся:

— Именно. С местными правилами ты знаком, нос держишь по ветру. Я навел справки, Клаккер, ты шустрый малый. И как только у нас объявился, успел перезнакомиться со всеми унтерами в округе, с блажными, с мусором из ночлежек. Ты знаешь, кто я. А я знаю — кто ты.

Бритый налысо мужчина поставил рядом с грязной посудой опустевшую кружку и пригорюнился. Плохо, когда тобой стали интересоваться. Лучше не

попадаться на глаза государственной машине и исполнителям ее воли. Для здоровья и спокойной жизни намного предпочтительнее вообще не привлекать внимание. Но — не сложилось.

— Мне рассказали, что ты из себя представляешь, Клаккер. — Полицейский поправил сползший ремень и равнодушно кивнул хозяйке, приковылявшей к столу. Дождался, когда та поставит перед ним стопку с пахучим самогоном и щербатую тарелку с просоленным до каменного состояния салом. Небрежно махнул — «проваливай» — и продолжил: — Ты, Клаккер, тот еще жук... Бывший вояка, герой войны и хозяин собственного дома в пригородах на той стороне. Представляешь? Владелец своего, отдельного, почти выплаченного дома!.. Клоповник тот еще, но сам факт... Даже я себе пока не могу это позволить, а тут — нищий оборванец, выпертый на пенсию...

— По состоянию здоровья, — осторожно влез в монолог бывший солдат.

— Ага. В зеркало загляни, горе-инвалид... А самое главное, имея жалованное императором право жить на Солнечной Стороне, ты околачиваешься здесь, в Изнанке. Ищешь сбежавших за приключениями молодых лоботрясов, обмениваешь информацию, выступаешь посредником при выкупе украденных ценностей. Одним словом, топчешься на моей поляне, мозоля глаза.

— Так я берусь лишь за те дела, от которых отказалось полицейское управление.

— Мне — плевать!.. — Шольц опрокинул стопку в бездонную глотку и отправил следом шмат сала. — Патент покажи сначала... Что? Нет патента? Тогда ты, Клаккер, совершаешь государственное преступление, вмешиваясь в работу официальных властей. Подрываешь авторитет и способствуешь местному крими-

налу. Если бумаги оформить надлежащим образом, то прощай, домик, и здравствуй, каторга. От пяти до пятнадцати лет — за красивые глаза...

Потушив в наступившей тишине вонючую сигариллу, толстяк вздохнул и вытащил из безразмерного кармана грязную тряпицу. Положил перед собой и постучал по бурой материи пальцем:

— Я ведь тоже подавал надежды, Клаккер. Не поверишь — большие надежды. И сюда распределился с мечтой о карьерном росте. Думал — лет пять-десять отработаю, потом повышение до старшего обера, потом еще лет пять — и на тихую должность на Солнечную Сторону, подальше от вечных дождей и дыма заводов... Вот только вместо карьеры мне демонстрируют фигу уже какой год. Потому что таких бодрых и шустрых в наших краях — по две сотни в год на единственную вакансию сверху. И это не считая блатных, у кого свои расклады... Так и выходит, что сижу я здесь, в этой дыре, подобрав участок и департамент. Но не видать мне, как своих ушей, ни официальной должности в Министерстве Порядка и Политического Благополучия, ни старшего обера в полиции... Впрочем, так же, как тебе — не видать патента. Потому что — бывший вояка, без нужных связей и с отметкой в личном деле: «Уволен после контакта с Тенями».

Клаккер вздрогнул. Он слишком хорошо помнил, что это такое — «контакт с Тенями». Когда тебя разрывают на куски твари из отражений, выворачивая кишки и душу на грязную мостовую. И неизвестно, что лучше после этого — сдохнуть там, в кровавой луже, или выжить под руками военных врачей, а затем метаться ночами в бесконечных кошмарах.

Шольц подобрал остатки сала, вытер жирные руки о тряпицу и закончил:

— Но я собираюсь исправить положение, солдат. Мне надоело, что чьи-то сынки обходят старого мудрого обера на повороте... Я не шучу — старого и мудрого. И я нашел твоего бывшего командира, навел справки... Ты — крепкий парень, Клаккер. Ты умеешь держать данное слово и не боишься подставить голову под неприятности ради клиента... А еще — ты меченый. Ты чувствуешь этих проклятых тварей, от которых каждую зиму трясет Изнанку. И ты мне поможешь. Добровольно...

Пальцы-сосиски достали серебряную бляху и подтолкнули на другую сторону стола.

— Патент тебе не светит. Никогда. Но я имею право выбирать охотников по своему усмотрению. И собираюсь назначить тебя палачом для местной нечисти... Понимаешь, о чем я? Любое дело, открытое в полицейском управлении на тварь, даст тебе кусок хлеба. Уничтожь заразу — и получи звонкую монету. Я даже согласен платить тебе три четверти вместо половины, как делают обычно... Или — подам рапорт о твоей противозаконной деятельности, и тогда до пятнадцати лет каторжных работ. На раз-два... Выбирай.

Бывший солдат осторожно положил на ладонь тяжелый жетон и посмотрел на выгравированную надпись: «Даровано право на убийство». Перевернул, полюбовался выдавленной печатью и цепочкой цифр инвентарного номера. Вернул обратно на стол и вздохнул:

— Это очень опасная работа. Это — не жулье по углам ловить. Твари мстят за каждого убитого. Страшно мстят.

— А ты думал, что деньги будут платить за красивые глазки?.. У тебя куча преимуществ, Клаккер. Куча... У меня пальцев не хватит, чтобы перечислить... Ты —

войка. Умешь обращаться с оружием. Живешь на Солнечной Стороне — есть, где отоспаться, не дергаясь на тень под кроватью. Ты знаешь наш район, знаешь местных оборванцев. Ты сможешь выудить информацию там, где мне из картечницы вышибут мозги... Ты — палач, парень, а не полицейский. Люди готовы тебе помочь, потому что никому не нравится, когда нечисть жрет его семью... А еще ты — чувствуешь их. Видишь. Можешь подергать за хвост. И ты почти один из них, так мне сказал твой бывший командир... И ты зачистишь для меня район, чтобы я смог наконец получить новую должность... Знаешь, как это будет звучать? Когда я не стану просить и унижаться перед старшим обером, выпрашивая команду зачистки. Не стану, нет... Я подам рапорт, что силами управления сам решил проблему. И защитил Город от дряни, пробравшейся из Тени... Через полгода можно идти на повышение. Тебе — неплохой заработок, купишь закладную на дом. Мне — служба подальше от местных дождей и грязи... И даю слово, что как только я перееду на Солнечную Сторону, сможешь вернуть жетон. Если захочешь...

Поманив хозяйку, Шольц изобразил руками: «Повторить». Подождал, когда старуха закончит, опрокинул очередную стопку и набил рот дармовым салом. Дожевал и медленно поднялся, считая разговор законченным:

— У меня двое убитых доходяг рядом с портовыми складами Утрехта. Знаешь, где это?

— Да. Я проходил там утром.

— Вот и хорошо. Кто мог напакостить, представляешь?

Клаккер помолчал, потом все же решился открыть рот. Он прекрасно понимал, что таким образом сжигает все мосты:

— Я видел тварь. Шипун. Отодрал кусок рубахи с убитого, жевал тряпку на заборе в конце улицы. Судя по всему, погибшие чем-то его разозлили, эти монстры редко нападают на людей.

— Вот даже как.. Ну, тогда тебе и карты в руки. Метка нечисти у меня в деле есть. Могу выдать со склада любое холодное оружие под залог. Огнестрел — покупай за свой счет.. И жду тебя завтра утром с клыками шипуна. Сверим и закроем убийство..

Уже в дверях начальник отделения Сыска и Докзнания обернулся и крикнул:

— Ну, ты идешь за тесаками или голыми руками будешь Тени рвать?

Палач еле слышно выматерился, потом размотал тонкую цепочку с жетона и набросил на грязную шею:

— Иду, чтоб все сгнуло.. Иду, куда же я денусь. Лучше здесь сдохнуть, чем на каторге.. Говорила мне мама — дураком родился, дураком помру.. Чтоб все сгнуло..

Глава 1

Уныло скособоченный забор тянулся вдоль канавы, заросшей лопухами. Облупившаяся краска на облезших досках, словно в насмешку, проблескивала ярко-желтыми пятнами на серой древесине. Казалось, что по мощеной дороге недавно прошли дворники и разметали вениками грязь, щедро забрызгав всю округу.

Рядом с могучим столбом аборигены проломали проход, оставив «в живых» лишь перекладыны забора. На верхней нахохлившимся серым вороном устроился Клаккер. Бритую налысо голову венчал кожаный шлем ветролетчика с блямбами лупоглазых очков. Модную обновку удалось выцыганить у прижимистого обер-крейза вместе с двумя огромными тесаками для разделки мясных туш под обещание расплатиться при первой возможности. Кроме того, свою роль сыграла и мерзкая утренняя промозглая погода, которая по дороге в участок превратила в сосульки и господина полицейского и его вновь приобретенного палача.

— Владей, убивец. — Шольц положил шлем поверх ржавого железа. — Мозги застудить вряд ли получится, у тебя там сплошная кость. Но смотреть на твою синюю с мороза рожу — сил моих нет... Четвертной медью потом выплатишь, это само собой... И шагай, больше ничем порадовать не смогу.

Превратившись в истребителя темных сил, бывший солдат заглянул по дороге еще раз в кабачок Клары и теперь выдыхал сивушный перегар на заботливо полируемый клинок. Обломок шлифовального камня скрипел по кромке ножа, вторя сиплому мужскому голосу:

— Вот так я и попал в армию, скотинушка. А куда сироте податься? На хуторах своих голодных ртов без счета, если близкой родни не осталось, одна дорога — на погост. Ну, или в банду, на дорогах беспредельничать. Месяц-другой побегаешь, потом патрули перехватят — и все туда же, к покойничкам. Сам знаешь, разговор с грабителями у властей короткий.

Метрах в пяти слева на заборе сгрудился комком спутанного меха шипун. Порождение Тени внимательно слушало Клаккера, замороженное то ли его голосом, то ли скрипами шлифовального камня. Тварь напоминала крупную собаку с вытянутой мордой, крепкими когтистыми лапами и горбатой спиной, укутанной в грязно-белую овчину. Проходившим мимо редким прохожим монстр казался слабым размытым пятном, тающим в воздухе при попытке его разглядеть. Но охотник прекрасно видел и острые когти, вцепившиеся в податливые доски, и ряд острых мелких зубов. Увы, пережитая в прошлом атака действительно пометила человека, открыв ему другую сторону жизни. И теперь смерть предстала перед ним во всей своей красе: уродливая пасть шипуна и смрад грязного тела.

— В армии посуетился вдосталь. Наше Императорское Величество тогда все пыталось к Изнанке рудный район прирезать, вот и тратило солдатиков почем зря. Народу мы в обе кампании положили —

без счета. Мою роту раз пять заново комплектовали. А я лишь дырки в боку штопал — то гранатой накроет, то штыком пырнут. Как-то выкрутился... Потом дезертиров ловил, в первую амнистию. С пластунами к соседям ходил. Ну и пытался из котла вырваться, куда штабные армию сумели засунуть... Не упомяну всего, двадцать лет то одна заваруха, то другая... Так, этот готов.

Клаккер воткнул остро наточенный тесак в бревно, положил на колени следующий. Шипун почесал брюхо, совсем по-человечески вздохнул и подвинулся поближе. Он совершенно не ощущал от странного чужака никакой опасности. Мужчина пах едой, спиртным и чуть-чуть старой рыбой. Судя по всему, брезентовый балахон был куплен в портовых рядах, подарив в наследство новому хозяину старые рыбацкие запахи.

— Вот, а потом была ночь в заводском районе. Это когда пятый раз твои друзья-приятели толпой вывалились и устроили бойню в рабочих бараках. И армию бросили на зачистку территории. Где нас и зачистили почти под ноль. От полка пятнадцать человек осталось. Да две сотни калек без рук и ног. Можно сказать, я еще легко отделался, лишь рваными ранами и лихорадкой, когда собранный по кускам в госпитале валялся. Так и познакомились...

От реки слышался звук шагов, и мимо бодрой рысью промелькнул кто-то из складских работников: в безразмерных штанах с заплатами, клетчатой вытертой рубахе и вязаной шапочке, битой молью. В обычный день по улице каждый миг сновали рабочие, везли на повозках грузы. Даже два свежих покойника не повлияли бы на обычный ритм работы. Подумаешь, бродяг пристукнули ради найденного гроша. Но слух о Тенях вымел округу похлеще кри-

ков о моровой язве. Кто-то из коронеров проболтался, осматривая погибших, и теперь над забитой складами улицей стояла мертвая тишина. Вот и молодой человек, спешащий домой, покосился неодобрительно на громилу с тесаком в руках, потом прищурил глаза на еле заметное пятно сбоку и рванул прочь, будто за ним погналась стая бешеных собак.

Кряхтя, Клаккер медленно спустился на землю, примяв сапогами лопухи. Двухметровый здоровяк воткнул второй наточенный тесак в забор и поправил сбившийся шлем. Опустил очки-консервы и превратился в лупоглазое пугало, в брезентовом плаще до пят и штопаных перчатках на лопатоподобных руках. Теперь даже нечисти не нужно было, чтобы распугать всех живых обитателей.

— А ведь я хотел ветролетчиком стать. Только представь — дирижабль под облаками. Ветер в оснастке поет, моторы стрекочут. Девушки у причальной мачты записочки пишут с адресами, чтобы потом в карман сунуть. Романтика... Да только туда берут лишь коротышек, чтобы лишний вес не таскать. Так в пехоту и попал. Дальше, сам понимаешь — дорога в один конец. Расти в погонах или сгинуть в очередной заварухе. А чтобы канцелярия перевод оформила — быстрее удавятся...

Мужчина зябко поежился и сжал кулаки. Его знобило, но не от простуды или еще какой болезни. Он прекрасно понимал, что здесь и сейчас должен начать новую жизнь. Жизнь, которая может оборваться уже нынешней ночью. И это пугало до дрожи в коленях.

Люди впервые познакомились с Тенью триста или четыреста лет назад. По крайней мере, в хрониках остались какие-то смутные намеки на те времена. Вместе с первыми упоминаниями Изнанки. Но вот